

Для цитирования: Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 3. — С. 815–825
doi 10.17059/2016-3-17
УДК 316.4

Л. С. Крестьянова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: gosslugashiy@yandex.ru)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹

В статье рассматриваются проблемы и тенденции развития межэтнических отношений на региональном уровне. Обосновывается предположение о непосредственном влиянии на них миграционных процессов. Гипотеза исследования заключается в том, что межэтнические отношения традиционных для региона этнических общностей и общностей, образованных мигрантами последних лет, имеют принципиальные различия. Для первых этнических общностей роль этничности ослабевает, более актуальна гражданская идентичность, формируются надэтнические интегративные образы, что приводит к ослаблению межэтнической напряженности. Для вторых этнических общностей сильны этнокультурные границы, этничность является актуальной, напряженность в межэтнических отношениях для данной категории общностей усиливается языковыми и социальными барьерами.

Основная угроза, на наш взгляд, заключается в том, что усилия органов власти по гармонизации межэтнических отношений направлены, прежде всего, на первую категорию этнических общностей и заключаются в мерах по сохранению и развитию этнических культур как способе формирования толерантности. Между тем, наибольшая межэтническая напряженность формируется во взаимосвязи с миграционными процессами, с негативным восприятием мигрантов и заключается, кроме прочего, в ряде социально-психологических проблем.

Проведен анализ основных факторов, влияющих на негативное отношение к мигрантам и формирующих межэтническую напряженность.

Выводы составлены на основании исследования, проведенного автором в 2011 г. методом анкетного и экспертного опроса, анализа результатов исследований, проведенных в период с 2008 г. по 2015 г., анализа переписей населения и аналитических обзоров, характеризующих миграционную ситуацию.

Результаты работы могут быть полезны для органов власти региона, реализующих национальную политику, миграционную политику, органов власти и иных институтов, участвующих в составлении прогноза социально-экономического развития, социальной напряженности.

Ключевые слова: межэтнические отношения, миграция, этническая общность, интегративный образ, межэтническая напряженность, региональный уровень, гражданская идентичность, надэтнический образ, этнические барьеры, культурные барьеры

Введение

Межэтнические отношения заслуживают особого внимания на уровне регионального социума, где они способны оказать наиболее сильное влияние на социальное благополучие.

Одним из регионов, по которому можно судить о ситуации в Российской Федерации в целом, является Свердловская область. Это развитый полиэтничный регион с высоким уровнем общественной, деловой и культурной активности, один из крупнейших субъектов по

численности населения и масштабу индустриальной экономики.

Предупредить межэтническую напряженность, создать условия для равного и полноценного развития граждан любой этнической принадлежности невозможно без анализа проблем, существующих в межэтнических отношениях, и основных направлений развития этнических общностей.

Этнический состав Свердловской области имеет сложную структуру и социальную стратификацию, что во многом определено миграционными процессами и связанными с ними степенью освоения социального контекста и включенностью представителей этнических

¹ © Крестьянова Л. С. Текст. 2016.

общностей в социально-экономические, политические и иные процессы региона.

Среди наиболее крупных этнических общностей Свердловской области можно назвать следующие: русские — 3684843 чел. (90,6 %), татары — 143803 чел. (3,5 %), украинцы — 35563 чел. (0,87 %), башкиры — 31183 чел. (0,77 %), марийцы — 23801 чел. (0,59 %), немцы — 14914 чел. (0,37 %), азербайджанцы — 14215 чел. (0,35 %), удмурты — 13789 чел. (0,34 %), белорусы — 11670 чел. (0,29 %), армяне — 11501 чел. (0,28 %), таджики — 11138 чел. (0,27 %)¹. Соотношение наиболее крупных этнических общностей в региональном социуме представлено на рисунке 1.

Можно выделить тенденции, характерные для традиционных этнических общностей региона, и тенденции, характеризующие развитие новых для региона этнических общностей.

Теория и методология исследования

Поскольку в качестве основной методологической парадигмы в работе используется конструктивистский подход, под этнической общностью понимается социальная общность, членом которой объединяет общее название и элементы культуры, представление об общем происхождении и общая историческая память, они ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности, которое основано на культурной (этнической) самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях.

Межэтнические отношения рассмотрены как совокупность взаимосвязей этнических общностей, конструируемых внешними и внутренними субъектами отношений, социальными институтами в процессе их политической, экономической, культурной и иной деятельности.

Ряд этнических общностей Свердловской области развивались в течение веков как представители этнокультурных общностей России, и внесли свой вклад в становление и развитие российского государства. Их можно отнести к традиционным этническим общностям региона. Тем не менее, эти этнические общности не остаются статичными, застывшими структурами общества. Наблюдается изменение в их количественном соотношении, связанное не только с естественной убылью или приростом

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 01.08.2015 г.)

Рис. 1. Наиболее крупные этнические общности Свердловской области

населения, миграционными процессами, но и со сменой этнической идентичности.

Не последнюю роль в данном процессе играет категория «надэтническая общность» — интегративная социальная общность, объединяющая представителей этнических общностей на основе объединяющих культурных, социально-экономических и иных начал с учетом уникальности общностей, имеющая жизненные проявления и безусловную устойчивость.

К иной категории относятся этнические общности, образованные мигрантами. Свердловская область является одним из ведущих регионов — потребителей иностранной рабочей силы. Доля Свердловской области в общероссийском объеме поставленных на миграционный учет составляет 2,4 %². Это пятый показатель среди субъектов Российской Федерации.

Некоторые этнические общности Свердловской области образованы мигрантами. Для данных общностей велика роль этнокультурных, языковых, социально-экономических границ, в связи с чем интегративные тенденции не являются актуальными.

Данные и методы, полученные результаты

Процессы смены этнической идентичности и формирования интегративных образов — тенденции, характерные для традиционных этнических общностей региона, — можно проследить на примере татарской и башкирской этнических общностей.

² Аналитический обзор, характеризующий миграционную ситуацию и деятельность УФМС России по Свердловской области по реализации государственной миграционной политики в регионе за 2014 год. Екатеринбург, 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ufms-ural.ru/ufms/sistemy/statistika/> (дата обращения 19.08.2015 г.)

В Нижнесергинском районе, считающемся местом компактного проживания башкирской общности в Свердловской области, в 2002 г. находилось только 554 башкира, что составляет 0,9 % от населения района (60512 чел.), в Красноуфимском районе было зафиксировано 298 башкир, в Артинском районе — 136¹.

Столь незначительная доля представителей башкирской этнической общности среди населения этих исконно башкирских поселений, по мнению заведующего Центром изучения исторического наследия Башкортостана «Шежере» Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан, к. ф. н. Р.Р. Асылгузина, объясняется деформацией этнического самосознания этнонациональной группы данного региона.

Так, по результатам переписи населения 1926 г. жители деревень Сызги, Озерки, Азигул, Арти-Шигири, Акбаш, Уфа-Шигири, Аракай, Перепряжка, Шакур определяли себя как башкиры, а в конце 1950 гг. — уже как татары. Смена этнической идентичности жителей сел Гайна-Бисерть, Кургат, Урмикей, Бишково, Куянково, Битки, Усть-Баяк, Усть-Бугалыш произошла несколько ранее, к середине 1920 гг.²

Этническая идентичность башкир подверглась существенной деформации из-за отдаленности расположения доминирующей части этнической общности, а также в связи с проживанием в окружении большого количества представителей других этнических общностей, прежде всего, русских и татар. Другой причиной в последние десятилетия послужила активная политика Татарстана по развитию этнокультурной и просветительской деятельности при пассивности Башкортостана в данном вопросе. В условиях этнокультурной близости, единой религии, схожести языка представителей башкирской и татарской этнической общности произошло размывание представления о своей этнической идентичности в самосознании башкир.

Изменения в этническом самосознании характерны и для других этнических общностей региона. Эти процессы не являются особенностью Свердловской области. Анализируя результаты переписей населения, Д.Д. Богоявленский, старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ приходит к подобным выводам относительно раз-

личных этнических общностей Российской Федерации³. Дж. Уотсон [1, с. 35] говорит о роли политических и экономических факторов, наличия особых интересов при оформлении этнической общности, П.Л. Ван ден Берге отмечает возможность манипулирования этничностью [2, с. 27], Б. Андерсон [3] говорит о воображении, или конструировании своей и чужой этничности. По мнению В.А. Тишкова, этническая идентичность (также как и этнос) есть не какая-то «архетипическая структура, изначально встроенная в мироздание», а прежде всего, процесс адаптации человеческих общностей к меняющимся условиям жизнедеятельности [4, с. 3].

Изменения имеют волнообразный характер.

Если для периода конца XX в. этническая идентичность была достаточно востребованной, то современная ситуация характеризуется меньшей актуальностью этнической идентичности. Так, по данным переписи населения 2002 г. в Свердловской области проживало 4486214 чел.⁴ Их число сократилось более чем на 280 тыс. чел. по сравнению с 1990 г. При этом результаты переписи показали значительное увеличение количества национальных групп населения. Если в 1989 г. общесоюзная перепись зафиксировала на Среднем Урале 120 национальностей, то по переписи 2002 г. здесь проживали представители более 140.

Обширная сеть этнических общественных организаций, созданных в тот период, также является подтверждением роста этнического самосознания.

В 2008 г. в Свердловской области было официально зарегистрировано 80 этнокультурных общественных организаций. Среди них национально-культурные автономии (30 организаций), национально-культурные общества, центры национальной культуры, землячества.

Ранее других в 1997 г. были основаны еврейская, татарская и немецкая областные национально-культурные автономии. Их можно считать основателями национально-культурного движения в регионе, которое ведет свое начало с 1989 г. В 1998 г. к ним добавились русская, башкирская и цыганская национально-культурные автономии.

¹ Асылгузин Р. Башкиры Свердловской области // Ватандаш январь 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vatandash.ru/index.php?article=1766> (дата обращения 09.03.2012 г.).

² Там же.

³ Богоявленский Д. Д. Перепись 2010. Этнический срез // Демоскоп Weekly, № 531–532, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения 06.08.2015 г.).

⁴ Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 01.08.2015 г.).

Лидеры по количеству этнических общественных объединений — татары (создали 23 организаций), евреи (создали 16 организаций), российские немцы (создали 10 организаций), башкиры (создали 6 организаций). Русские, украинцы, марийцы, белорусы, чувашаи, удмурты, азербайджанцы, армяне, чеченцы, ингуши, казахи, поляки, дагестанцы, ассирийцы, греки, цыгане, корейцы, киргизы, таджики, якуты и другие представлены одним или двумя-тремя общественными формированиями [5, с. 65].

Несмотря на то, что абсолютное количество национальностей (этнических групп) выросло, перепись населения 2010 г. фиксирует сокращение доли представителей этнических общностей меньшинства по сравнению с преобладающей этнической общностью.

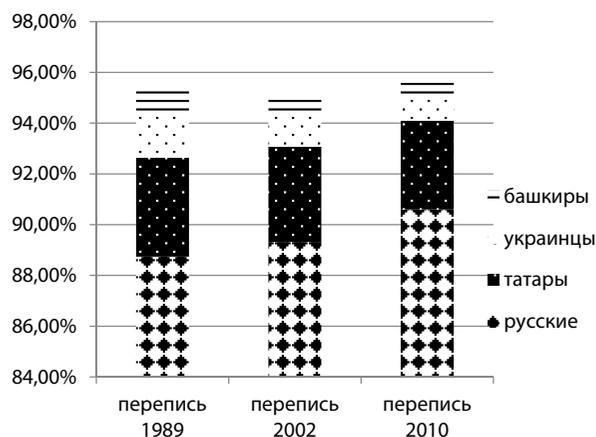
Можно предположить, что часть представителей этнических общностей меньшинства стали идентифицировать себя как русские: по переписи 2002 г. русские составили 89,32 % (по переписи населения 1989 г. — 88,74 %, прирост за 13 лет на 0,58 %), тогда как по переписи 2010 г. доля русских возросла до 90,6 % (прирост за 8 лет на 1,28 %), в то же время, доли, к примеру, татар, украинцев и башкир сократились.

Динамика соотношения численности представителей наиболее крупных этнических общностей в Свердловской области по данным переписей населения представлена на рисунке 2.

Кроме того, эксперты среди органов государственной власти отмечают снижение активности общественных объединений, работающих в сфере межэтнических отношений. Лишь 40 из них являются в настоящее время реально действующими.

Справедливым, на наш взгляд, в этом отношении является высказывание Ю.В. Арутюняна, что «на определенном этапе цивилизационного развития, если оно реально, преобладают интегративные тенденции, что предполагает в перспективе формирование новых межэтнических, а точнее „надэтнических” общностей со сходными и даже единообразными чертами в культуре, образе жизни и, в конечном счете, в самосознании» [6, с. 42–43].

Таким образом, среди представителей этнических общностей, традиционно проживающих на территории Свердловской области, в настоящее время характерно движение в сторону формирования общегражданской идентичности, единой «русской нации», что можно проследить в размывании этнического самосознания, увеличении доли населения, идентифицирующего себя как русские.

Рис. 2. Соотношение численности представителей наиболее крупных этнических общностей в Свердловской области по данным переписей населения (% к представителям всех этнических общностей)

Можно прогнозировать снижение межэтнической конфликтности среди данной категории общностей, поскольку этничность здесь становится менее актуальной.

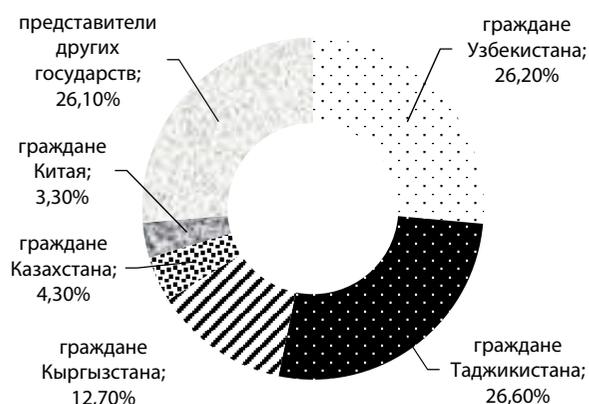
Тем не менее, наблюдения свидетельствуют о растущей межэтнической напряженности в региональном социуме. Подтверждением тому служат события, произошедшие в поселке Сагра, выступления населения против мигрантов в ряде малых городов области.

Достаточно благоприятная социально-экономическая ситуация в области в совокупности с ее удобным географическим расположением привлекает мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья [7, с. 165]. Возросший в последние годы миграционный поток не мог не сказаться на взаимоотношениях этнических общностей. Возникает необходимость анализа проблем, существующих в межэтнических отношениях этнических общностей, образованных мигрантами.

Миграционным процессам последних 5 лет свойственны следующие тенденции. Порядка 80 % иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, составляют граждане государств СНГ. В их числе граждане государств центрально-азиатского региона также составляют около 70–85 % от общей численности.

Основными странами, формирующими миграционные потоки, как правило, являются Узбекистан (26,2 %), Таджикистан (26,6 %), Киргизия (12,7 %), Казахстан (4,3 %), Китай (3,3 %)¹. Соотношение представителей государств, формирующих миграционные потоки

¹ Аналитический обзор, характеризующий миграционную ситуацию и деятельность УФМС России по Свердловской области по реализации государственной миграционной политики в регионе за 2014 год. Екатеринбург, 2015 г.

Рис. 3. Соотношение представителей государств, формирующих миграционные потоки на территорию Свердловской области в 2014 г.

на территорию Свердловской области, представлено на рисунке 3.

Приток мигрантов из данных стран можно прогнозировать и на ближайшую перспективу, даже при условии изменения социально-экономической ситуации в худшую сторону. Так, Л.Л. Рыбаковский считает, что отмеченные государства относятся к странам миграционного потенциала России. По его мнению, «каждая страна имеет миграционный потенциал, прежде всего в государствах, исторически связанных с нею. Всюду в основе лежит признак исторического общения населения донора с населением реципиента. У современной России ее миграционный потенциал сосредоточен в первую очередь в государствах, возникших на постсоветском пространстве» [8, с. 25].

С одной стороны, миграционные процессы смягчают демографический кризис и компенсируют недостаток трудовых ресурсов Свердловской области. С другой стороны, приток мигрантов имеет ряд социальных опасностей. Рост количества мигрантов следует отнести к числу факторов, формирующих интолерантные настроения. О росте социально-экономических проблем в связи с увеличением миграционных потоков говорят и зарубежные исследователи [9, с. 172].

Мигранты преимущественно предпочитают большие города, поскольку здесь имеются более благоприятные условия для организации трудовой деятельности. Кроме того, уровень социально-экономического развития крупных городов достаточно высок. К таковым в Свердловской области относятся: Екатеринбург, который принимает 54,4 % всех прибывающих в область мигрантов, Нижний

Тагил, Первоуральск и Каменск-Уральский, а также Сысертский, Верхнепышминский и Березовский городские округа.

Здесь особенно остро встает проблема скрытой демографической экспансии иностранных граждан. Перепись населения 2010 г. показала значительное увеличение представителей этнических общностей таджиков, узбеков и киргизов в составе населения Свердловской области, по сравнению с 2002 г. (к примеру, количество таджиков увеличилось с 6125 чел. — 0,14 % населения до 11138 чел. — 0,27 % населения области).

Так, в Екатеринбурге, который опережает другие города Свердловской области по количеству мигрантов как наиболее индустриально развитый, обладающий хорошими возможностями для трудоустройства, транспортной и социальной инфраструктурой, проблема скрытой демографической экспансии становится особенно актуальной для Железнодорожного и некоторых других районов города. Нарастающий приток мигрантов вызывает сильное беспокойство, такие районы начинают считаться некомфортными для проживания российских граждан.

Это способствует возникновению явления, называемого ведущим научным сотрудником отдела этнической социологии ИС РАН И.М. Кузнецовым «мигрантофобия», которая вызвана страхом утратить контроль над своей локальной средой обитания в связи с массовыми иммиграционными потоками. Он приходит к выводу, что российское общество в настоящее время не готово к приему мигрантов¹.

Приток мигрантов разной этнической принадлежности способствует повышению уровня конфликтности в межэтнических отношениях. Эта проблема формируется, с одной стороны, завышенными ожиданиями мигрантов, с другой стороны, малой готовностью принимающего социума.

Как отмечает Л.М. Дробужева, русское большинство испытывает сложности в восприятии мигрантов в связи с травмой по поводу распада Советского Союза, национальными движениями и чеченскими событиями. При этом мигранты из новых республик рассчитывали на более радушный прием в связи с прежним общим согражданством. Результатом этих негативных тенденций становится формирование «образа врага» в отношении представите-

[Электронный ресурс]. URL: <http://ufms-ural.ru/ufms/sistema/statistika/> (дата обращения 19.08.2015 г.).

¹ Кузнецов И. М. Интеграционный потенциал мигрантов // Демоскоп Weekly №271–272. 1–21 янв. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения 07.04.2012 г.).

лей этнических диаспор у русского большинства [10, с. 25].

Данные исследований различных территориальных и социально-профессиональных общностей Свердловской области фиксируют оценку населением избыточности мигрантов.

К примеру, по результатам эмпирического социологического исследования, проведенного нами¹ в 2011 г. в трех городах Свердловской области — Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Алапаевске — методом анкетного опроса (объем выборки 708 чел., опрошены представители 16 этнических общностей), и экспертного опроса (проинтервьюированы 10 экспертов в сфере межэтнических отношений), посвященного выявлению оценок представителями этнических общностей и экспертами состояния и перспектив межэтнических отношений на региональном уровне, об избыточном количестве мигрантов говорят 42,1 % респондентов. Затруднились с оценкой уровня миграции 45,5 % респондентов, 10,9 % участвовавших в опросе отметили, что мигрантов столько, сколько нужно, 1,5 % посчитали, что мигрантов недостаточно.

Результаты опроса гражданских активистов, членов НКО и политических партий Екатеринбурга, проведенного исследовательским центром «Аналитик» в июле 2015 г. (в опросе приняли участие 400 чел.), показывают, что оценили количество приезжих других национальностей как «много» 73,7 % опрошенных (10,4 % отметили, что приезжих других национальностей «мало», 1,5 % отметили, что таких нет, 14,4 % затруднились ответить)². Как отмечает В.И. Мукомель, «концентрация мигрантов в ряде российских регионов негативно сказывается на отношениях между ними и коренным населением. Причем неприятие у местных жителей вызывают не только уроженцы государств бывшего СССР, но и выходцы из других регионов России, принадлежащие к „видимым меньшинствам“» [11, с. 69].

Более того, именно с приезжими, мигрантами ассоциируется наибольшая вероятность появления межэтнических конфликтов.

¹ Каримова Л. С. Отношения этнических общностей в условиях становления гражданского общества в современной России (региональный аспект): дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012.

² Результаты опроса гражданских активистов, членов НКО и политических партий Екатеринбурга. Центр «Аналитик», июль 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://civiluniversity.ru/file/77/87/7787f276-1beb-4b5d-8b43-c41487dc3137> (дата обращения 15.09.2015).

Рис. 4. Сферы применения труда иностранных работников в Свердловской области в 2014 г.

Можно говорить и о том, что определенную роль в негативном восприятии прибывающих играет структура занятости мигрантов, их социальный статус и портрет.

Количество и уровень профессиональной подготовки прибывающих в Свердловскую область напрямую не связаны с потребностью регионального рынка труда. Квотирование как механизм регулирования миграционных потоков на сегодняшний день малоэффективно. Так, в 2014 г. только через аэропорт «Кольцово» в Свердловскую область прибыло 129 595 чел., указавших в качестве цели прибытия работу, при этом в 2014 г. квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу в Свердловской области была установлена 40 487 разрешений³.

Одна из основных причин — несовершенство законодательства, позволяющего привлекать иностранных работников даже тем работодателям, которые не подавали заявки и, таким образом, не принимали участие в квотной кампании. В то же время, мигранты с безвизовым порядком въезда приезжают на территорию субъекта вне зависимости от наличия реальных свободных рабочих мест.

Мигранты в Свердловской области преимущественно заняты неквалифицированным, низкооплачиваемым трудом. Основные сферы применения иностранных работников представлены на рисунке 4.

Более 90 % мигрантов, приезжающих в Свердловскую область для работы, — это иностранные граждане с неполным средним или

³ Аналитический обзор, характеризующий миграционную ситуацию и деятельность УФМС России по Свердловской области по реализации государственной миграционной политики в регионе за 2014 год. Екатеринбург, 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ufms-ural.ru/ufms/sistemy/statistika/> (дата обращения 19.08.2015 г.).

средним образованием, не имеющие определенной специальности и профессии, слабо владеющие русским языком.

Трудовая миграция в значительной степени — мужское занятие (мигранты мужчины составляют 82,2 %). Наибольшее число иностранных работников на территории Свердловской области находится в возрастной категории от 18 до 49 лет (92,2 %)¹.

В отношении представителей этнических общностей мигрантов можно наблюдать дискриминацию в оплате труда, а также в социальных и правовых гарантиях. Работодатели не заинтересованы в легализации трудовых мигрантов. Причины этого — возможность ухода от налогообложения, нежелание нести ответственность за трудового мигранта, предоставлять жилье.

Из трудовой сферы дискриминация по отношению к представителям этнических общностей мигрантов переносится на бытовой уровень.

К примеру, результаты исследования, проведенного нами, свидетельствуют, что уровень миграции, так же, как и уровень дискриминации по этническому признаку в городе Алапаевске оценивается респондентами существенно ниже, чем в Екатеринбурге. Можно предположить, что между этими оценками существует взаимосвязь: как правило, этнические общности, образованные мигрантами, в наибольшей степени подвержены дискриминации.

Так, если среди респондентов из Алапаевска, лишь 7,3 % опрошенных отметили наличие этнических общностей, интересы которых ущемляются, то в Екатеринбурге указывают на существование таких общностей 28 % респондентов. Об избыточном уровне мигрантов в Алапаевске указывают 33,1 % респондентов, в то время как в Екатеринбурге 47,8 % опрошенных считают, что мигрантов больше, чем нужно.

Наиболее часто положительными сторонами миграции респонденты разных городов называют «работают там, где не хотят работать местные жители» (32,8 % респондентов), а также «являются дешевой рабочей силой» (31,5 % респондентов).

В качестве преобладающих отрицательных сторон миграции, в ответах опрошенных, вы-

ступает мнение о том, что мигранты «способствуют росту преступности» (28,5 % респондентов). Многие респонденты отвечают, что мигранты неуважительно относятся к местным жителям и традициям (19,8 % респондентов).

Подобные результаты выявлены и в ходе исследования, проведенного ГАОУ ДПО СО «ИРО»² в 2014 г.: взрослые респонденты отмечают негативное влияние мигрантов, прежде всего, в связи с усилением криминогенной обстановки (48,4 % — педагоги и 32,7 % — родители). Тем не менее, статистические данные не подтверждают наличия остро стоящей подобной проблемы. Мигранты не оказывают существенного влияния на преступность в регионе, это предубеждение.

С целью более глубокого анализа этнокультурной дистанции, установок на межэтническое взаимодействие с этническими общностями мигрантов при проведении нами исследования был задан ряд вопросов. Менее всего опрошенные желали бы видеть выходцев из Вьетнама и Китая в своих городах. Можно предположить, что по отношению к данным этническим общностям у подавляющего большинства жителей региона существуют межэтнические границы, отсутствует осознание исторической связи, слабы межкультурные контакты. Между тем, миграция из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе из Китая, в Россию имеет тенденцию к возрастанию [12, с. 195].

Столь же негативно относятся респонденты к приезду в их город представителей кавказских этнических общностей России и выходцев из государств Армении и Азербайджана. Почти половина респондентов в целом высказалась отрицательно по поводу возможности приезда представителей указанных этнических общностей. В данном случае определенную роль играют отрицательные установки и наличие стереотипов по отношению к кавказским эт-

¹ Аналитический обзор, характеризующий миграционную ситуацию и деятельность УФМС России по Свердловской области по реализации государственной миграционной политики в регионе за 2012 год. Екатеринбург, 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ufms-ural.ru/ufms/sistemy/statistika/> (дата обращения 19.08.2015 г.).

² Исследование проведено методом анкетного опроса и фокусированного интервью в 56 муниципальных образованиях: г. Екатеринбурге, крупных, малых и средних городах и сельских территориях Свердловской области, количество участников — 2921 чел., из них обучающиеся 9–11 классов — 1565 чел., родители — 844 чел., педагоги — 512 чел.; участники интервью — 16 педагогов. Отчет по итогам социологического исследования, проведенного в целях выяснения уровня социальной напряженности в образовательных средах в Свердловской области и иных факторов экстремистской направленности. Екатеринбург, ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gospatriotprogramma.ru/implementation-of-sectoral-and-regional-programmes-and-plans/meropriyatiya-programm-i/sverdlovskaya-oblast/otchet.php> (дата обращения 07.08.2015).

ническим общностям, вызванные предшествующей напряженностью в отношениях, прежде всего, в связи с войнами в Чечне и терактами.

Приезд представителей этнических общностей — выходцев из Средней Азии, также получил большое количество негативных оценок респондентов. Тем не менее, большинство опрошенных отнеслись к этому равнодушно.

Наибольшее количество положительных оценок было получено в отношении приезда этнических русских из бывших республик СССР. Более половины опрошенных отметили их приезд как желанный. Можно говорить о том, что данная категория общностей наиболее близка в этнокультурном плане к жителям Свердловской области.

Таким образом, для большинства представителей этнических общностей региона, принявших участие в опросе, установки на этнокультурное взаимодействие с другими этническими общностями достаточно слабы. Особенно это характерно для этнической общности большинства. Можно говорить о том, что респонденты в целом не готовы к приему мигрантов другой этнической принадлежности.

Распределение ответов респондентов свидетельствует, что негативное отношение к мигрантам имеет социально-психологическую основу и заключается в наличии явных культурных и социальных границ принимающего населения и представителей этнических общностей мигрантов. Общности, образованные мигрантами, остаются, зачастую, закрытыми, слабо включенными в социально-культурные, экономические и иные процессы региона, что делает практически невозможным формирование интегративных образов для данной категории общностей. Необходимо целенаправленное принятие мер по интеграции общностей мигрантов. К примеру, считается, что наиболее благоприятные условия для мигрантов созданы в Финляндии, где активно ведется работа по изучению истории, культуры, национальной кухни, традиций [13, с. 36]. Социально-психологические факторы как одна из существенных причин возрастания межэтнической напряженности отмечаются и в ряде зарубежных исследований [14, 15].

По мнению представителей органов государственной власти, работающих в сфере реализации национальной политики, значительную роль в адаптации переселенцев и трудовых мигрантов, в том числе из стран СНГ, играют этнические общественные объединения и организации. Стоит определить верность данного положения.

По результатам проведенного нами исследования, в случае притеснения на этнической почве более 70 % респондентов будут искать защиты в органах власти (из них 49,6 % — обратятся в правоохранительные органы) и лишь менее 4 % респондентов — у институтов гражданского общества (3,6 % обратятся в свое национально-культурное общество, диаспору, 0,3 % — в иную общественную организацию). Остальные респонденты избрали иные варианты действий (18,4 % респондентов будут решать все самостоятельно, 3 % обратятся в СМИ, 4,3 % — другое).

Результаты разведывательного исследования «Общественный мониторинг и анализ процессов трудовой миграции из Республики Таджикистан в Свердловскую область», которое проводилось в ноябре-декабре 2008 г. некоммерческим партнерством «Международный информационный центр» совместно с учеными Института философии и права УрО РАН, Уральского государственного университета им. Горького¹, также дают некоторое представление о роли этнических общественных организаций на примере таджикской этнической общности.

По результатам разведывательного исследования только 3,3 % опрошенных — мигрантов из Таджикистана указали таджикскую общину, диаспору как источник реальной поддержки. Воспользоваться ее помощью при этом смогли только 1,3 % респондентов. Можно предположить, что отношения в диаспоре основываются, прежде всего, на родственных связях, либо родственные связи внутри диаспоры более эффективны в плане оказания помощи.

Для подавляющего большинства респондентов таджикские диаспоры, общины остаются неизвестным институтом. Так, 43 % опрошенных отметили, что ничего не знают о существовании диаспоры, они ориентируются преимущественно на родственные и соседские социальные связи.

Таким образом, для наиболее многочисленной этнической общности мигрантов, представители которой нуждаются в адаптации, аккультурации и ассимиляции в принимающий социум Свердловской области, этнические общественные объединения оказываются малоэффективными.

¹ Общественный мониторинг и анализ процессов трудовой миграции из Республики Таджикистан в Свердловскую область [Электронный ресурс]. URL: <http://research-migration.narod.ru/> (дата обращения 08.08.2015 г.).

Заключение. Результаты и рекомендации

Межэтнические отношения в Свердловской области не являются однородными, имеют сложную структуру и направления развития. На их состояние и характер существенное влияние оказывают миграционные процессы, определяющие степень освоения этническими общностями социально-культурного контекста и включенность в социально-экономические, политические и иные взаимосвязи в регионе.

Таким образом, необходимо различать межэтнические отношения этнических общностей, традиционно проживающих на территории Свердловской области, и этнических общностей, образованных мигрантами.

Основная угроза, на наш взгляд, заключается в том, что данное положение не учтено ни органами власти, ни обществом. Усилия по гармонизации межэтнических отношений направлены, прежде всего, на первую категорию этнических общностей и заключаются в мерах по сохранению и развитию этнических культур как способе формирования толерантности.

Между тем, в настоящее время среди представителей этнических общностей, исконно проживающих на территории Свердловской области, межэтнические отношения развиваются в направлении формирования общегражданской идентичности, единой «российской» нации, размывания этнического самосознания. Можно прогнозировать снижение межэтнической конфликтности среди данной категории общностей, поскольку этничность здесь становится менее актуальной.

В то же время, для представителей этнических общностей мигрантов проблемы межэтнической напряженности стоят достаточно остро и обуславливаются как высокой актуальностью этнической самоидентификации, так и рядом социально-психологических и социально-экономических проблем.

Мигранты преимущественно устремляются в крупные города, где созданы более благоприятные условия для осуществления трудовой деятельности. Именно здесь в большей степени встает проблема скрытой демографической экспансии, и требуются наиболее активные меры по гармонизации межэтнических отношений.

Негативное отношение к мигрантам имеет социально-психологическую основу и заключается в наличии явных культурных и социальных границ.

Значительную роль в негативном восприятии прибывающих играет структура занятости мигрантов, их социальный статус и портрет.

Серьезное внимание органам государственной власти необходимо уделить предотвращению дискриминации и неравноправия в отношении мигрантов, нормативному упорядочиванию процесса привлечения иностранной рабочей силы. Можно говорить о том, что существует дискриминация в оплате труда в отношении представителей этнических общностей мигрантов, об их социальном и правовом неравноправии.

Из трудовой сферы дискриминация по отношению к представителям этнических общностей мигрантов переносится на бытовой уровень.

Между тем конфликтность, формируемая при взаимодействии представителей этнических общностей мигрантов и принимающего населения, начинает активно распространяться на взаимоотношения внутри принимающего социума: представители одних традиционных для региона этнических общностей под влиянием миграционных процессов все чаще с недоверием, пренебрежением и опаской воспринимают представителей других традиционных этнических общностей.

Решению проблемы могли бы способствовать меры по уменьшению межкультурной, межэтнической дистанции, в частности, по обучению мигрантов основам русского языка и культуры, а также по обеспечению их прав и минимальных социальных гарантий. Требуются также меры в отношении принимающего социума, направленные на формирование объединяющих этнокультурных начал с представителями этнических общностей мигрантов.

В качестве направлений дальнейших исследований можно рассматривать более глубокий анализ отдельных этнических общностей мигрантов, которые, безусловно, имеют собственные проблемы в сфере межэтнических отношений.

Список источников

1. *Watson J. L.* Between two cultures. Oxford: Basil Blackwell, 1977. — pp. 338 p.
2. *Van den Berghe P. L.* The ethnic phenomenon. N.Y., 1987. 318 p.
3. *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. — 288 с.
4. *Тишков В. А.* О феномене этничности // Этнографическое обозрение. — 1997. — № 3. — С. 3–21.

5. Целищев Н. Н. Этнонациональные отношения в России и мире. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 508 с.
6. Арутюнян Ю. В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. — 2009. — № 6. — С. 42–43.
7. Целищев Н. Н. Этнополитология. Учебно-методический комплекс в 3-х частях. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. — 736 с.
8. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал. Критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. — 2011. — № 4. — С. 24–34.
9. Grosu R. Dynamics of immigrant entrepreneurship in Romania // Экономика региона. — 2015. — № 2. — С. 172–182.
10. Дробижева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России. Что может и чего не может дать демократизация // Общественные науки и современность. — 2005. — № 2. — С. 16–28.
11. Мукомель В. И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. — 2016. — № 5. — С. 69–79.
12. Мищук С. Н. особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию. На примере Дальневосточного федерального округа // Экономика региона. — 2014. — № 2. — С. 194–202.
13. Питухина М. А., Сигова С. В. Ключи к успеху: опыт миграционной политики в Финляндии // Социологические исследования. — 2015. — № 4. — С. 35–38.
14. Sherif M. The Psychology of social norms / Harper Torchbook ed. — NY: Harper and Brothers, 1966. — 249 p.
15. Tajfel H. Social and cultural factors in perception. — In: The handbook of social psychology / Ed. G. Lindzey, E. Aronson. 2nd ed. Addison-Wesley, 1968. — 1120 p. — Pp. 319–394.

Информация об авторе

Крестьянова Любовь Сабирдяновна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра социальной безопасности Физико-технологического института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. Шейнкмана, 100, 74; e-mail: gosslugashiy@yandex.ru).

For citation: *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. — 2016. — Vol. 12, Issue 3. — pp. 815–825

L. S. Krestyanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: gosslugashiy@yandex.ru)

Interethnic Relationships and Migration Process at the Regional Level: Problems and Main Trends of Development

The article is devoted to the problems and trends of the development of interethnic relationships at the regional level. The assumption that migration process has direct influence upon them is proved. The hypothesis of the research is that the interethnic relationships of "traditional" ethnic communities for the region fundamentally differ from the interethnic relationships of the ethnic communities formed by the new migrants. For the first ethnic communities, ethnicity is not so important while the civil identity is more relevant and over-ethnic integrated images are developed. That results in the reduction of interethnic tension. For the other ethnic communities, ethnic and cultural barriers are strong, ethnicity is relevant for them. Furthermore, the language curtain and social distance strengthen interethnic tension for these ethnic communities. In our opinion, the basic threat is that the efforts of public authorities for the harmonization of interethnic relationships are mainly bending to the first ethnic communities. The public authorities attempt to save and develop the ethnic culture to form tolerance. Meanwhile, the major interethnic tension is associated with the migration process, a negative perception of migrants and a number of socio-psychological problems. Main factors having the influence on the negative perception of migrants and interethnic tension are analyzed. The conclusions are based on the research conducted by the author in 2011, relying on the questionnaire and expert survey, on the research conducted from 2008 till 2015, on the analysis of national population census and analytical reviews about migration situation. The results of the study can be used by the public authorities of the region developing ethnic policy, migration policy in formulation forecast of socio-economic development and social tension.

Keywords: interethnic relationships, migration, ethnic community, integrated image, interethnic tension, regional level, civil identity, over-ethnic images, ethnic barriers, cultural barriers

References

1. Watson, J. L. (1977). *Between Two Cultures: Migrants and Minorities in Britain*. Oxford: Basil Blackwell, 338.
2. Van den Berghe, P. L. (1987). *The Ethnic Phenomenon*. N.Y.: Elsevier, 318.
3. Andersen, B. (2001). *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma [Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism]*, 288.
4. Tishkov, V. A. (1997). О феномене этничности [The phenomenon of ethnicity]. *Etnograficheskoye obozrenie [Ethnographic review]*, 3, 3–21.

5. Tselishchev, N. N. (2009). *Etnonatsionalnyye otnosheniya v Rossii i mire [Ethnonational relations in Russia and the world]*. Ekaterinburg: Ural University Publ., 508.
6. Arutyunyan, Yu. V. (2009). Ob etnicheskikh komponentakh rossiyskoy identichnosti [About ethnic components of Russian identity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 6, 42–43.
7. Tselishchev, N. N. (2008). *Etnopolitologiya: Uchebno-metodicheskiy kompleks v 3-h chastyakh [The ethno-political science: the учебно-methodical complex in 3 parts]*. Ekaterinburg: Ural University Publ., 736.
8. Rybakovskiy, L. L. (2011). Migratsionnyy potentsial: kriterii otsenki i sovremennyye masshtaby [Migration potential: criteria for evaluation and modern proportions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 4, 24–34.
9. Grosu, R. (2015). Dynamics of Immigrant Entrepreneurship in Romania. *Economy of region*, 2, 172–182;
10. Drobizheva, L. M. (2005). Zavoyevaniya demokratii i etnonatsionalnyye problemy Rossii (Chto mozhet i chego ne mozhet dat demokratizatsiya) [The conquest of democracy and ethnonational problems of Russia (What can and cannot give democratization)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Public sciences and modernity]*, 2, 16–28.
11. Mukomel, V. I. (2016). Problemy integratsii vnutrirossiyskikh inoetnichnykh migrantov [Integration problems of internal ethnic migrant workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 5, 69–79.
12. Mishchuk, S. N. (2014). Osobennosti mezhdunarodnoy trudovoy migratsii iz Kitaya v Rossiyu (na primere Dalnevostochnogo federalnogo okruga) [The features of international labour migration from China to Russia (on example of far East Federal district)]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 2, 194–202.
13. Pitukhina, M. A. & Sigova, S. V. (2015). Klyuchi k uspekhу: opyt migratsionnoy politiki v Finlyandii [Keys to success: experience of migration policy in Finland]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 4, 35–38.
14. Sherif, M. (1966). *The Psychology of Social Norms*. NY: Harper and Brothers (Harper Torchbook edition), 249.
15. Tajfel, H. (1968). Social and Cultural Factors in Perception. *The Handbook of Social Psychology*. In: G. Lindzey, E. Aronson (Eds). 2-nd ed. Addison-Wesley, Reading, 319–394 (1120).

Author

Lyubov Sabirdzyanovna Krestyanova — PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Social Security, Institute of Physics and Technology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: gosslugashiy@yandex.ru).